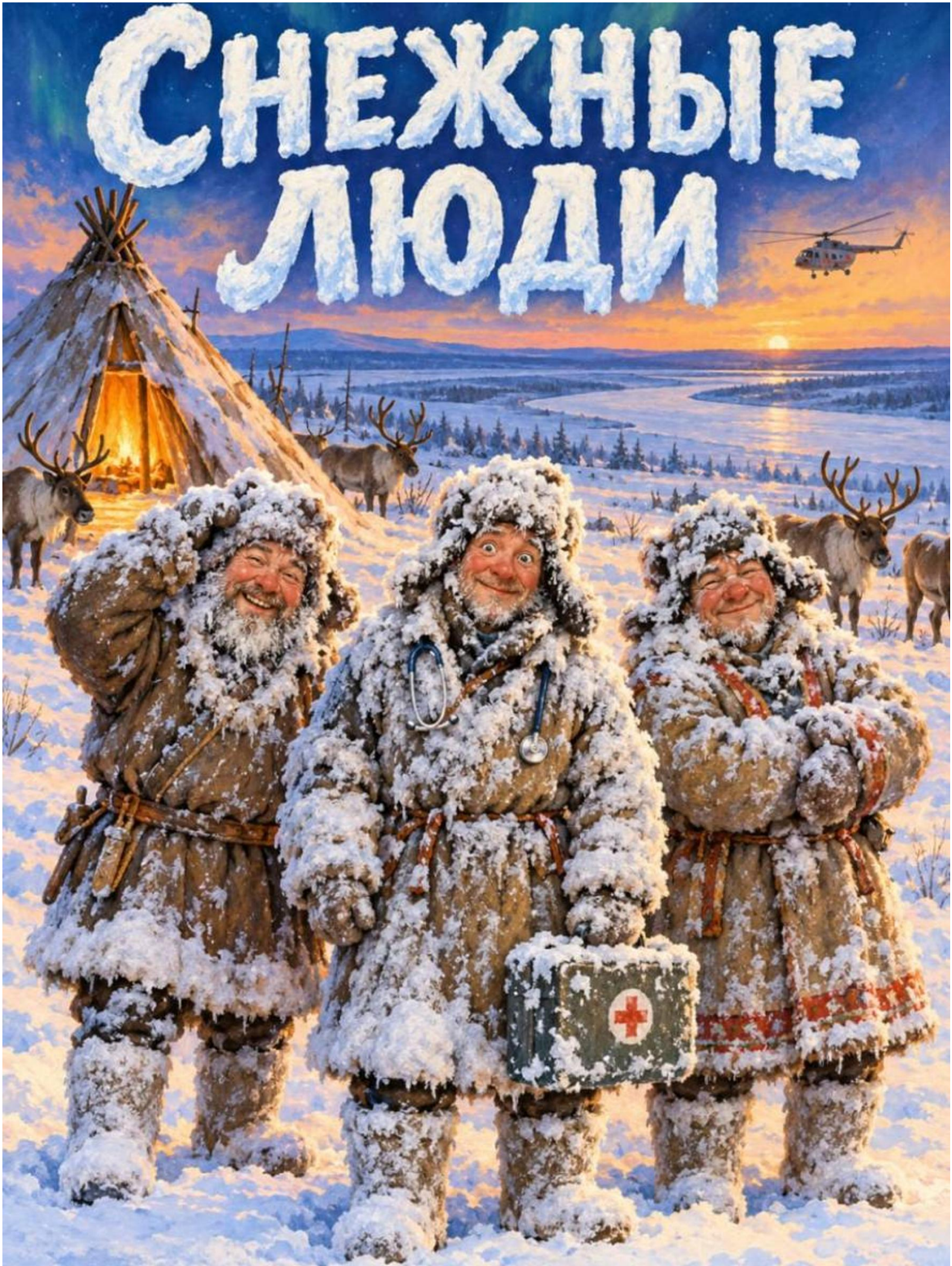
Снежные люди

Андрей Листишенко

Андрей Листишенко

Снежные люди

«Автор»
2026

Андрей Листишенко

Снежные люди / Андрей Листишенко — «Автор», 2026

Сборник рассказов и новелл об обитателях Севера, их жизни в суровых условиях, душевной чистоте и искренности. В основу произведений легли истории, подсмотренные автором – ветеринарным врачом и учёным, – во время работы и экспедиций и изложенные в юмористической манере. Жизнь северных людей, названных автором снежными (а рассказ о настоящем йети также вошёл в сборник), с точки зрения «цивилизованного мира», содержит массу парадоксов, которые на поверку являются основой для выживания в суровых климатических и социальных условиях.Это рассказы о нашей реальности – узнаваемой, живой, непарадной, рассказанные голосом, которому веришь. Здесь нет надрыва, нет морали в лоб, но после каждого текста остаётся лёгкое покалывание – как после холода, в котором ты всё же выжил и вышел своим.Если вы узнали себя в одном из героев рассказов или вам кажется, что какая-то история произошла именно с вами, знайте, это правда, это так и есть!

© Андрей Листишенко, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ВСТРЕЧА НА ОБИ 5
КТО РУГАЕТ «ПОЧТУ РОССИИ»? 8
ХРЯК ВОЕННООБЯЗАННЫЙ 10
ВЕРНЫЙ ДРУГ 14
КУРИЦА РАЗДОРА 17
В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Андрей Листишенко
Снежные люди

ВСТРЕЧА НА ОБИ

У каждого из нас есть человек, которого мы вспоминаем с благодарностью и называем Учителем – не по должности, а по сути. Это может быть школьный учитель, преподаватель, мастер на производстве или просто взрослый, когда-то вовремя протянувший руку. Тот, кто дал чуть больше, чем обязан был дать. Тот, чьи слова, однажды услышанные, идут с тобой всю жизнь даже после того, как сам учитель уходит из неё.

Таким человеком для меня стал профессор Сивков. Невысокого роста, с интеллигентной бородкой, живыми глазами и неугомонной энергией. Геннадий Сергеевич заприметил нас, тогдашних первокурсников, на научной конференции и сразу увлёк в свою лабораторию – волшебное место, где наука жила не в формулах, а в искрах открытий, в духе познания, в блеске его глаз.

Он растил нас азартно, с вдохновением. Лаборатория была его садом, где одни «выпускались», другие приходили на смену, но дух никогда не угасал.

Позже, уже став специалистом, я уехал работать на Север. Наука осталась в прошлом, но Сивков – нет. Его советы, воспитанные им принципы, даже интонации не покидали меня и всегда выручали в трудные минуты.

Часто на лекциях, в совместной работе он рассказывал о своей детской жизни в северном посёлке, о жизни односельчан, о тундре и великой сибирской реке. Он уехал оттуда мальчишкой, в четырнадцать лет. Мать позже перебралась к нему, и связь с родным посёлком прекратилась.

Зная, с какой теплотой он вспоминал свою малую родину, а также учитывая, что его родной посёлок находился всего в шестидесяти километрах от моего нового дома, я чувствовал: организовать для Учителя поездку туда – в моих силах и, пожалуй, в моём долге.

И вот, спустя полвека, он снова оказался там. Мы всё подготовили: экскурсия по посёлку, пусть сильно изменившемуся, и – самое главное – встреча с друзьями детства. Они ничего не знали, мы устроили сюрприз. И когда он вошёл в помещение, где его ждали ничего не подозревающие «Сашка Вилль» и другие «мальчишки» из далёких лет, воздух наполнился криками, смехом и слезами. Время словно сдвинулось.

С тех пор поездки в родной посёлок стали традицией. В этот раз нас ждали новые лица – кто-то из давних знакомых, кто-то – совсем незнакомый. Вспоминали, кто где жил, как подрабатывали на рыбзаводе, колотили ящики, принимали рыбу…

– А ты чё, в Аксарке жил? – спросил один из земляков.

– Да.

– А когда?

– В пятьдесят седьмом уехал.

– А ты чё, профессор?

– Да, профессор.

– Я тут всю жизнь живу, а тебя не помню, – не отставал земляк.

– Я же давно уехал. Мать у меня рыбачкой была на рыбзаводе. Я семилетку окончил и учиться в Тобольск уехал.

– А ты какого года?

– Сорок третьего. А ты?

– Сорок шестого.

– Тогда я должен тебя знать. Как фамилия у тебя?

– Канев. Михаил.

– Мишка Канев, – задумчиво проговорил профессор, – Мишка Канев. А где вы жили?

– На холме, над рыбзаводской пристанью.

– Не могу вспомнить. А мать твоя не сторожихой ли на овощном складе работала? – Какое-то воспоминание обожгло вдруг профессора.

– Да-а! – поразился ясновидению профессора Михаил.

– А-а! А это мы с тобой на склад залезли капусту воровать, а твоя мать в нас солью стреляла?

– Н-ну, может… Это когда она в меня попала?

– А я тебе потом ягодицу на речке отмачивал! – Все профессора были тоже когда-то детьми.

– А чего мы туда полезли? Погоди! А ты Генка, что ли, Сивков?

– Ну да, Миша, ты так и не вспомнил?

– Да я-то вспомнил, но тебя не узнаю…

– Да и я тебя не очень! – расхохотался профессор. – Немудрено. Я уехал в Тобольск в четырнадцать лет. Учился в техникуме, потом работал. Из совхоза меня направили в институт, в Омск. Потом переехал в Тюмень на научную работу.

Помолчали.

– Потом переехал в Тюмень на научную работу, – повторил Геннадий Сергеевич, улыбаясь воспоминаниям. – Так и закрутилось: лаборатория, студенты, диссертации, экспедиции... А ты, Миша?

– А я... здесь. Рыбачил, занимался борьбой, стал мастером спорта, потом в речном училище отучился, капитаном на рыбозаводе служил. Дом построил, детей поднял, пятеро их у меня. Все тут.

Они замолчали. Один прожил жизнь в движении, в науке, в вихре экспедиций, исследований, конференций, людей из разных местечек необъятной Родины и мира. Второй – там, где родился, – на берегу великой сибирской реки, в рыбацком труде и в тишине родного посёлка, среди домашних забот и двух новых поколений, ради которых и было всё. Казалось, они стояли на двух концах одной дороги, когда-то начинавшейся с холма над рыбозаводской пристанью.

Геннадий Сергеевич посмотрел в сторону Оби. Могучим потоком неспешно несла она свои воды, как и в детстве, – такая же широкая, с той же гулкой тишиной. Ветер доносил запах реки, а память звенела так, как будто только вчера они с Мишкой прятались от мамкиной соли в траве у берега.

– Слушай, а ты помнишь Галку, дочку Лукиных? – вдруг оживился Михаил.

– Галку? Конечно, помню… Она мне, кажется, открытку нарисовала, когда я уезжал.

– А я потом с ней на танцы ходил… – Михаил усмехнулся. – Тоже всю жизнь тут прожила. А вот сына у неё судьба в город увела – главврачом стал в окружной больнице теперь. Вот так, у всех свои дороги.

Опять задумались. В этот момент к ним подошла молодая женщина с ребёнком в коляске, крепко спящим после долгой прогулки.

– Нам пора, дед. Провожайся.

Михаил кивнул и протянул руку Геннадию Сергеевичу.

– Ну что, профессор... Приезжай ещё. Мы всегда тут, если чё. Найти меня несложно, – прощаясь, усмехнулся Михаил.

– Обязательно приеду, Миша. Пока мы помним – мы живы. Спасибо тебе. Они обнялись – по-мужски, крепко. Словно мост между берегами времени.

На обратной дороге профессор долго молчал, глядя в окно. Когда ельник вдоль дороги сменился на открытый тундровый пейзаж, сообщавший о приближении города, он сказал:

– Ты знаешь... я ведь думал, что память – это просто картинки. А она – как река. Возвращаешься, и тебя подхватывает течение. И ты снова плывёшь – мальчишкой, с рогаткой в руке, босой, с солнечным ожогом на плечах. А потом выходишь на берег – уже стариком. Но с таким светом в душе, будто снова всё впереди.

На горизонте вновь вспыхнула Обь, и закатное солнце в ней отражалось точно так же, как пятьдесят лет назад в глазах двух мальчишек, которые однажды залезли воровать капусту, и оба, как оказалось, запомнили это на всю жизнь.

КТО РУГАЕТ «ПОЧТУ РОССИИ»?

Да все мы её ругаем! Восклицаем: «Долго! Сложно! Всё теряется!» Сколько ещё эпитетов вылетает, когда мы недовольны её работой...

А помните строчку из песни про Сахалин?

«А почта с пересадками летит с материка
До самой дальней гавани Союза…»

Но ведь есть такие гавани, куда не долетают, не доплывают, не доходят никакие регулярные рейсы – даже с пересадками. Это стойбища оленеводов.

Попасть туда можно только на вертолёте. Летом – ещё на моторной лодке, зимой – на снегоходе. Но путь часто долог, рискован, требует сноровки и отличного знания местности.

Вертолёт – дорогая штука. Как на такси, просто так не покатаешься. Его вызывают по серьёзному поводу: собрать школьников в интернат, доставить ветеринаров на вакцинацию, вызвать санитарную авиацию. И когда он всё же летит – все спешат воспользоваться случаем: врачи, учителя, строители, совхозники и простые жители посёлков и тундры.

Во время таких полётов на взлётной площадке кипит жизнь. Вертолёты встречают, разгружают, загружают, заправляют, провожают, кто-то прилетает, кто-то улетает, идут спешные переговоры с экипажем – куда лететь, сколько груза взять, кому отказать. Вертолёт – это редкая возможность связи между людьми, которых судьба раскидала на сотни труднопреодолимых километров, поэтому в обе стороны летят посылки – поселковые шлют родственникам одежду, запчасти на лодочный мотор или на снегоход, инструменты, утварь и другие необходимые в кочевом быту вещи. Обратно вертолёт привозит мясо и рыбу – так отвечают тундровые своим поселковым сородичам. И конечно же, вертолёт перевозит письма.

В один из таких ажиотажных сезонов мой сопровождающий, местный ветеринарный врач Алексей, маленького роста, круглый, очень улыбчивый и добрый ненец, получил перед вылетом кучу наказов, принял ответственность за передачу посылок и рассовал по карманам пачку писем.

Вертолёт, выгибая лопасти вверх, грузно приподнялся над площадкой, с разбегу набрал высоту, и мы полетели согласно лётному заданию. Достигнув стойбища, я погрузился в свою исследовательскую деятельность – опрашивал оленеводов, собирал образцы для работы. Времени на всё – не больше получаса, пока не разгрузят и загрузят вертолёт, соберут школьников, опросят жителей стойбища, составят списки оленеводов, сделают другие дела, ради которых приземлились. Вертолётные винты обычно не останавливают, и чтобы не перекрикивать их шум, мы с оленеводами ушли к чумам. Когда звук винтов перешёл на фа-диез, я попрощался с обитателями стойбища и поспешил к воздушному судну. Опоздать нельзя: следующий рейс может случиться только через год.

Перед трапом я увидел, как Алексея усердно отчитывает недовольная женщина. Лёшино лицо выражало безнадёжность и желание поскорее прекратить неприятный разговор. На его счастье, винты перешли на ля-бемоль, недовольная дама вынуждена была отойти от вертолёта на безопасное расстояние. Мы поднялись в винтокрылую машину, закрыли дверь и полетели по маршруту дальше.

Уже вечером в посёлке я спросил его, чем же он провинился перед тундровой женщиной.

– Письмо неправильно привёз, – непонятно пояснил он. Было заметно, что Алексей по-прежнему смущён сегодняшним происшествием.

– Не по адресу? – Это единственное, что я смог предположить.

– Да нет, по адресу. Попозже только.

– Как это? – удивился я.

– В позапрошлом году мне также надавали пачку писем. Я прилетел, раздал. Одно завалялось в штанах и прилетело со мной обратно. Домой вернулся – штаны в кладовку на крючок повесил. В прошлом году их надел перед полётом и новую пачку писем в них положил. Прилетел. Снова раздал, в том числе и прошлогоднее письмо. Сегодня прилетаем, а она мне выговаривает: «Помнишь в прошлом году ты мне письмо привозил? Так оно прошлогоднее!»

Я расхохотался.

– Тебе жутко повезло – ты узнал об этом спустя год! За это время она заметно поостыла. Представь себе, если бы она сразу, при получении письма, поняла, что оно с прошлого года! Не знаю, вернулся бы ты тогда!

Вот так! А вы «Почту России» ругаете!

ХРЯК ВОЕННООБЯЗАННЫЙ

Жизнь военного даже в мирное время непредсказуема. Ещё вчера ты нёс службу на Дальнем Востоке, а сегодня принимаешь её в горах Средней Азии и весь твой скарб умещается в один узелок. И никто не спросит, как ты переносишь жару и не боишься ли холода.

Зам по тылу капитан Ермоленко с семьёй в составе группы советских военных специалистов на судне «Иван Франко» покидал Кубу. Советский Союз прекратил своё существование, и он вернулся уже в другую страну, с «комками», «бригадами» и полным хаосом.

На родине, однако, ему повезло, и после непродолжительного кавардака в штабе его перевели служить на Север, где сохранялся ещё хоть какой-то порядок.

Отправив пока семью к родственникам на Кубань, капитан прибыл в часть. Представившись и доложившись командиру, Ермоленко наскоро разместился в казарме и направился «принимать хозяйство». В сопровождении прапорщика он методично обходил склады, столовую, гаражи, осматривал технику, запасы топлива, обмундирования и другие объекты и ценности, составляющие материальное и техническое обеспечение части, запоминал лица и фамилии ответственных, делал пометки в блокноте, давал поручения.

К вечеру осмотр достиг и состоявшей в вверенном хозяйстве свинофермы. Войдя в полутёмное помещение, предварявшее вход в собственно свиную казарму, капитан застал процесс кормоприготовления. Бойкий солдатик, оставив работу у котла на кормокухне, вытянулся в струну и доложил:

– Товарищ капитан! Рядовой… приготовил корма для… Готов приступить к раздаче корма!

– Ну так приступайте! – с улыбкой отреагировал капитан.

– Есть! Только вы, товарищ капитан, не пугайтесь…

Не поняв, к чему было это предупреждение, и тут же выбросив его из головы, Ермоленко приготовился наблюдать за кормлением. Шустрый рядовой схватил два ведра и зачерпнул в них наваренную в котлах и уже остывшую кашу. Распахнув ударом ноги двухстворчатые двери в цех свинофермы, солдатик влетел в помещение, разделённое на две половины широким проходом, по обеим сторонам которого размещались несколько больших клеток со свиньями. Кормушки располагались в клетках у прохода. Ловко плюхнув из ведра в кормушку слева, а потом справа, солдатик помчался к котлам. Снова зачерпнув в вёдра пахнущую хлебом кашу, он понёсся теперь в конец цеха. В это время, пробудившись от присутствия людей, звуков и запахов, означавших начало ужина, свиньи устремились по направлению к кормокухне. Корм достался пока только коллегам из первых двух клеток, поэтому остальных свиней постигла горькая обида и они подняли жуткий визг.

Рядовой подбежал к последним двум клеткам, плюхнул в кормушки кашу и понёсся обратно. Свиньи, находившиеся ближе к последней клетке, стали оттягиваться назад. Визг направился в другую сторону, заполнил собой всё помещение и достиг уровня звукового давления, производимого самолётом-истребителем. Капитан почувствовал себя тревожно, сердце ухнуло несколько раз о грудную стенку, боль, как иглой, пронзила голову. Стало дурно.

Солдатик, никак не реагируя на происходящее, летел за следующей порцией, которая предназначалась центральным клеткам. Челнок с вёдрами смотался туда-обратно ещё несколько раз, и визг, производимый голодными животными, снизился до приемлемой для человеческого слуха величины. Свиньи жадно чавкали, прогоняли соперников угрожающим визгом, наносили друг другу удары рылом.

Вызванная резким звуком боль в голове капитана несколько утихла, способность адекватно мыслить и воспринимать окружающее к нему вернулась. Теперь предупреждение рядового не выглядело нелепым и бессмысленным. Ермоленко смотрел на опавшие бока животных,

царапины на лопатках и шеях, нанесённые зубами других свиней в борьбе за корм, на лохматых авитаминозных поросят.

– Сколько голов? – зло спросил капитан, выйдя на улицу.

– 423! – отрапортовал прапорщик.

– Почему свиньи голодные?

– Кормов не хватает, товарищ капитан. Денег в части нет на это. Со столовой взять нечего: аппетит у солдат хороший, ничего не остаётся. Выкручиваюсь как могу. То у нефтяников выпрошу просрочку, то с рынка подпорченные овощи привезём. Перебираем да варим. Комбикорм уже два года не видели.

На следующий день капитан доложил командиру о проделанной работе, о состоянии принятого хозяйства. Свежий и опытный взгляд нового зама по тылу быстро выявил достижения и недостатки в управлении материальной и технической базой части. Капитан сделал ряд предложений по улучшению управлением хозяйством. Отдельно остановился на свиноферме:

– Надо сокращать поголовье до количества, которое сможем нормально прокормить. Мяса получим достаточно для того, чтобы обеспечить столовую.

– Капитан, вы же понимаете, что, если отправим на убой свиней, нам с вами головы тоже поснимают? Как вы обоснуете сокращение поголовья?

– Давайте объясним всё как есть: нет кормов, средств на это нет!

– Получим ответ: «Изыскивайте» – и взыскание. Так что, капитан, выкручивайся без убоя.

«Без убоя, – с горечью думал капитан. – Как можно сократить так, чтобы без убоя? Их же 423 рыла! И с каждым днём плодятся новые. А ведь точно! Надо, чтобы не рождались! Как они вообще размножаются без жратвы?» Мозг капитана, кажется, нащупал решение: «Убой нельзя, а свиную рождаемость снизить никто не запрещает!»

Ермоленко и прапорщик пришли на ферму, когда свиньи, уже привыкшие к недокорму, удовлетворились половинным пайком, вели себя спокойно, так что можно было разговаривать в цеху без особого напряжения.

– Сколько свиноматок? – капитан быстро выяснял обстановку в свином войске.

– 22, – ответил прапорщик.

– Сколько приносят?

– В среднем одиннадцать-двенадцать, но есть и такие, что и по четырнадцать и даже больше.

– Это в среднем пятнадцать-двадцать поросят в год?

– Нет, выдают по два опороса в год, так что, считайте двадцать два-двадцать четыре. Сохраняем поросят хорошо. Следим.

– А хряков сколько?

– Один. Вон сидит.

Небольшой, такой же поджарый, как остальные свиньи, хряк, окликаемый по старой русской традиции Васькой, после ужина был в хорошем расположении духа, вылизывал кормушку, обнюхивал и грыз клетку, пол, в общем, занимался обычной хрячьей рутиной. Поводов для беспокойства не было: желудок не пустовал, соперников он никогда не знал, подруги сидели в соседних клетках, и хряк по запахам и звукам определял их местонахождение и знал, чем они заняты в этот период их жизни.

Васька был жизнерадостным и любил людей. Солдатики, которые кормили его и чистили клетку, отмечали это и относились к хряку с уважением и любовью. Неизвестно, знал ли Васька, что состоит на военной службе и вносит неоценимый вклад в дело сохранения обороноспособности великой державы, но служил он всегда на совесть. Время от времени к нему приводили подруг, он внимательно ухаживал за ними, тщательно нажёвывал пену, делал знаки внимания,

сначала осторожные, потом более уверенные. Даже самые капризные дамы не могли устоять перед его обаянием и настойчивостью.

Он не был Казановой и не гордился своими мужскими победами. Возможно, производитель просто подчинялся инстинкту, который заложила в него природа. Но хочется думать, что Васька был из тех мужчин, которые хорошо понимают женщин и относятся к их чувствам с глубоким уважением.

Всё это «внимательное отношение в женскому полу» оборачивалось проблемой для капитана Ермоленко – свиноматки с поражающей регулярностью приносили большой приплод. Однако просто отправить Ваську «в отставку» товарищ капитан не мог.

Перед профессиональным праздником всех военных сухопутных и флотских формирований в часть прибыл генерал с проверкой и поздравлениями. Ермоленко тщательно подготовил свои объекты к проверке. Весь личный состав, кроме дежурных, занятых в столовой и на других объектах материально-технического обеспечения, был построен на плацу. Командир части, отдав команды солдатам и офицерам, строевым шагом направился к генералу. И с каждым шагом лицо его становилось бледнее. Строй также охватило напряжение – за спиной товарища генерала, совсем нестроевым шагом брёл Васька. Шёл он тоже к генералу, но, очевидно, не для доклада.

Строй и медленно чеканивший шаг командир были беспомощны. Не нарушая порядка, они лишь мысленно могли отгонять хряка. Напряжение коллективного разума остановило Ваську в метре от генерала. Он поднял голову и беззаботно посмотрел на широкий «тыл» командующего. Заметив непорядок на плацу, из столовой уже выскочили повара и дежурные, одетые в новые, выданные для проверки халаты и колпаки, и, как стая куропаток на снегу, в обход поля зрения генерала побежали отгонять нарушителя. До поры их появление было надёжно скрыто высоким сугробом, однако перед выходом на плац сугроб стал заметно ниже. Повара попадали на снег и поползли по-пластунски.

Командир, затягивая как только можно своё приближение к генералу, всё же достиг его расположения, отдал честь и начал доклад:

– Товарищ генерал! – бодро начал он.

– Хру-у-у! – раздалось за спиной генерала.

Ветер дул генералу в лицо и к великому облегчению майора относил от его слуха обращение хряка. У командира свело челюсти. Уже совсем не помня себя, сквозь зубы он выдавил доклад.

– Товарищи!.. – обратился к строю генерал.

Васька сделал шаг к нему, обнюхал полы генеральской шинели и стал внимательно слушать командующего.

– Поздравляю вас с… – слышал командир сквозь пелену, окутавшую сознание.

– Ура! – грянул строй.

– Хру-у! – немного опоздав, нестройно присоединился к строевому ответу на поздравление вышестоящего командования Васька.

– Ура! – ко всеобщей радости строй заглушил его визг.

Бригада поварского спецназа к тому времени уже прорвалась к позициям «противника», но ввиду непосредственной близости врага к товарищу генералу, начать операцию не могла.

– Ура! – едва сдерживая улыбки, глядя на засаду поварских маскхалатов за спиной у генерала, прогремели солдаты и офицеры в строю в третий раз.

– Молодцы! Бравые у тебя ребята! – обращаясь к командиру, похвалил строй генерал.

Васька тоже остался доволен построением. Он не спешил уходить, повернулся задом к генералу, опустил рыло в снег и занялся понятным одному только его свиному разумению делом.

Дали команду «Разойдись!». Строй покинул плац. Командир повёл генерала обедать. Васька, видимо, решив присоединиться, зашагал следом. Улучив момент, когда старшие офицеры скроются за сугробом, поварской десант приступил к активной фазе операции по нейтрализации «противника». Быстро развернув прихваченный с собой кусок брезента, повара ловко отсекли хряка и направили его в сторону фермы. Васька, очевидно, уже замёрзнув на холоде, возвращался домой без сопротивления.

После обеда генерал, разомлевший от хорошего впечатления, произведённого воинской частью, усаживаясь в машину, напутствовал командира:

– Часть у тебя хорошая, Андреич. Марку держи! Офицерам и солдатам благодарность, особенно сегодняшнему моему адъютанту.

– Не понял, кому, товарищ генерал? – удивился командир.

– Тому, который меня на построении сопровождал. Нелёгкая у него служба! – улыбнулся генерал. – В штабе расскажу, какие у тебя тут «орлы» служат! А поваров в спецподразделение можно оформлять!

Машина генерала скрылась из виду, а на командира спустилась волна стыда и неуправляемого бессилия, его лицо загорело и пошло пятнами, ноги стали ватными. Добравшись до штаба, командир обрушился на зама с ругательствами:

– Ты что мне устроил! Весь округ теперь будет над нами смеяться! Может быть, теперь Ваське форму пошить? Да ты у меня всю жизнь будешь свиными войсками командовать!

Капитан, привыкший за годы службы к суровому обращению командиров, реагировал на гнев спокойно, доложил о причинах участия хряка в построении, и, решив обратить ситуацию в свою пользу, предложил избавиться от Васьки.

– Делай что хочешь, но чтобы его не было! – гремел командир. – Но так, чтобы хряк в хозяйстве был! – командира ещё изрядно потряхивало от пережитого.

На следующий день командир успокоился, и они в кругу офицеров за праздничным столом весело вспоминали эту историю. Однако приказ есть приказ: избавиться от хряка, но так, чтобы хряк был! Всё равно, что «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что…»

Выручил капитана звонок директора подсобного хозяйства нефтяников, который предложил племенной обмен в формате «хряк на хряк». Ермоленко не ждал от такой рокировки изменения ситуации, но на обмен согласился. Ваську списали «в запас», погрузили на машину и отправили к новому месту жительства. Тем же рейсом в часть прибыл «новобранец» – размером с полгрузовика, тяжёлый, неповоротливый, с пятнадцатисантиметровыми клыками и суровым взглядом новый хряк. Заглянув в фургон, товарищ капитан понял, что его проблема решена.

И в самом деле новый постоялец не отличался активным поведением, больше любил лежать, относился к службе через пень-колоду, за что не раз получал от зама по тылу поощрения. Через полгода свиное поголовье сократилось вдвое. А Ваську и его участие в параде ещё долго вспоминали в части.

ВЕРНЫЙ ДРУГ

Правила подачи челобитной бережно сохраняются со времён Ивана Грозного и уже в нашем двадцать первом веке вцементированы даже в строительные правила. Иначе как объяснить, что окошки в кассах и учреждениях расположены на уровне моего пупа, и подавать документ и деньги или просто разговаривать с кассиршей мне всегда приходится в земном поклоне.

– Верхнюю полку у туа-е-та в плацка-арте брать бу-е-е? – ответил мне из кассы противный голос.

Подозреваю, что в кассиры и дикторы на железной дороге отбирают на каком-то особом строгом кастинге.

– Какие ещё варианты?

– Ночевать на вокзале, – гнусно состроумила чем-то недовольная кассирша.

– Давайте!

В вагоне меня ждал сюрприз, вернее, два. Пятьдесят три места из пятидесяти четырёх, наличествующих в вагоне, были заняты вахтовиками. Ничего личного, но – та ещё компания! Если это и не вызвало у меня удивления, то другой «подарок» был неожиданнее – моя постель была короче меня на полметра… Из-за близости дверного проёма к санитарному отсеку вагона полку несколько редуцировали. Ограниченность пространства, где ни сесть, ни лечь было невозможно, спёртый воздух и остро непереносимые мной запахи превращали мой путь в сущую пытку.

Погрузочная толчея прекратилась, вагонное население растолклось по своим полкам и вопреки моим ожиданиям быстро затихло. Никто не ел – час был уже поздний. И не употреблял – полицейский наряд трижды прошёлся по вагону и цепко всматривался в каждое лицо, отыскивая в нём хоть один заметный градус. Рабочий народ устал от тяжёлого месячного труда и засыпал, сном приближая встречу с родными. Огромная пятидесятичетырёхместная колыбель мягко укачивала своих младенцев.

Только я, скрючившись, как филин, лупал в потёмках глазами, да напротив меня на боковушке полушёпотом разговаривали два друга. Они пока не планировали расправлять свои спальные места, выглядывали в проход, заговорщически перешёптывались. Я проверил мысленно, надёжно ли спрятан мой портмоне и документы. «Надёжно, – ответил я себе и не успокоился.

Прошло ещё немного времени, и в руках одного из друзей блеснула своим стеклянным боком бутылка. Он отвернулся к окну, добыл невидимую мне питейную ёмкость, благодарно наклонил в неё откупоренную амфору. Незаметно, без пышного тоста выпили. Похрустели сухариками. Стали перешёптываться дальше.

Через пару минут вновь накинутый градус, как это всегда бывает, добавил децибелов в их разговоре, и теперь я мог их слышать.

– Когда у тебя поезд приходит? – спросил тот, что покрупней, лет тридцати пяти, крепкий, сбитый, с самоуверенной наглостью, проступающей в каждом движении.

– Послезавтра, – ответил его щуплый, жилистый визави.

– Дык, и я послезавтра. Вот ты! Во сколько времени, спрашиваю.

– А-а, в десять утра.

– Мне ещё потом четыре часа ехать. – Вероятно представив, как он сойдёт с поезда, добавил: – Будем дома.

Выпили ещё. Притихли, наблюдая, нет ли полицейского наряда. Наряда не было. Заговорили снова.

– В следующую вахту опять вместе поедем, – сказал крепкий, почувствовав прилив дружеской любви. – Надёжнее тебя, Колян, нету мужика!

– Да, я, Серёга, с тобой не только на вахту! – Щуплый выдержал паузу, подбирая направления, куда бы он ещё поехал с Серёгой, и не найдя его, воскликнул: – Сам знаешь!

– Светка-то твоя ждёт тебя или нашла кого?

– Да ты знаешь, она у меня какая! – Щуплый вздрогнул и горячо отвечал другу: – Мы же с ней со школы, и тёща у меня замечательная и…

– Тише ты, – шикнул на него Серёга. – Ща наряд тебя заберёт и высадит на ближайшей станции!

– Светка у меня, может, и огонь-баба, но верная! – уже приглушив голос, не унимался Колян. – Да и дети у нас! Любит она их сильно и меня любит!

Защитная речь Коляна выдохлась.

– Ну, Колян, ты вообще мужик отличный, с таким любая баба как за каменной стеной. И друг ты настоящий! Ну, а чё, дом-то когда достроишь?

– Дак, щас приеду и буду штукатурить.

– Ты же говорил, что ещё крыша не перекрыта!

– Да нет, там работы на два дня, если шурин поможет.

– Ага, приедешь и опять на диване месяц пролежишь, как в прошлый раз между вахтами.

– Нет, зима же была! Как строить?

– Ну да, особенно крышу, – усмехнулся Серёга.

– Осенью переедем. Точно. – В организме Коляна заиграл духоподъёмный градус.

– Ага, уточни только, какого года, – оскалился улыбкой друг.

– А ты чё, сомневаешься?! – закипятился окончательно захмелевший Колян.

– Распиваем? – раздался вдруг голос незаметно появившегося полицейского. – Будем оформляться?

– Это… сержант. На вокзале пива выпили. Да вот, Коляна немного развезло, – быстро сориентировался ушлый Серёга.

– Я нормально! – речевой аппарат щуплого Коли уже не мог сопротивляться воздействию алкоголя и выдавал истинное состояние своего владельца.

– Так, на следующей станции выходим! – полицейский не шутил. Повернувшись ко второму другу, добавил: – Оба!

– Сержант, – Серёга осознал серьёзность происходящего, – мы не употребляем. Сейчас уже спать ложимся. Нам два дня ещё ехать. Дома семьи ждут. Я трезв, за Колей присмотрю – будьте уверены!

Алкоголь перевёл свой новый сосуд в режим частичного отключения, и Коля, склонив голову, уже дремал. Полицейский, очевидно полагая, что выпивший безобиден, и не желая развивать напряжённую ситуацию, обратился к Сергею:

– Значит, едем тихо, ложимся спать. Через пятнадцать минут прохожу снова, если не будете спать, выгрузим вас на ближайшей станции. За друга отвечаете лично!

– Сержант, всё сделаю! Сейчас уложу его. Ну, слаб мужик, с бутылки пива вон как повело…

– У вас пятнадцать минут! – внушительно оборвал его полицейский, повернулся и ушёл.

Колян по-прежнему дремал. Сергей достал спрятанную бутылку, незаметно куда-то плеснул из неё, сделал привычный выдох, будто сбрасывая лишнее. Щурясь, опрокинул стопку. Похрустел сухариками. И вдруг оживился, затормошил друга за плечо. Колян очнулся.

– Колян, просыпайся! – тревожно заговорил Серёга. – Тебя менты высаживают!

– А где мы едем? И чё делать?

– Да, по тундре ещё едем. Говорил тебе, доскёшься!

Николай ещё не очень воспринимал реальность.

– Ты сиди тихо, я пойду, попробую договориться. Понял меня?! – продолжал запугивать Серёга друга.

Он встал со своего места и вышел в соседний вагон.

Спустя пару минут вернулся, друг его успел уже снова погрузиться в хмельную дремоту.

Серёга толкнул друга:

– Ты в курсе, что тебя почти высадили сейчас?

– Да понял я, понял! Ну и выйду!

– Куда ты выйдешь?! В тундру?! Сиди уже, я всё решил! – Серёга скорчил повелительную мину утомлённого спасителя. Он сделал паузу для пущего драматического эффекта. – Правда, пришлось на лапу дать. Но не бросать же тебя!

Колян уставился на него с ошарашенной благодарностью.

– Да ты чё… Серьёзно? Так они… правда хотели высадить?

– Я ж тебе сказал: «уже собирались». Ты ж орал на весь вагон. Мне ж за тебя стыдно стало. Подошёл, поговорил… А дальше ты знаешь. Десять с меня они выманили.

Колян обомлел, потом резко засуетился.

– Да, Серёга, ты же знаешь для меня деньги – брызги.

Достал две красные купюры и отдал другу.

– Серёга! – Распираемый благодарностью Колян хотел сказать ещё много тёплых и искренних слов, но природное косноязычие, усугублённое алкоголем, не позволило ему подобрать нужных слов. – Надёжный ты мужик, Серёга, – выдавил Колян с нажимом. – Здорово, что мы дружим! Давай махнём за нашу дружбу!

Он был тронут до глубины души поступком Серёги. Верил. Не сомневался.

Потому что в мире, где мужик – слово, а вахта – испытание, верность другу значила больше денег.

– Нет, Колян, ты хочешь пешком дальше идти? Давай, укладывайся спать. Завтра дружбу отметим.

Колян покорно подготовил постель и себя ко сну, лёг и на втором вдохе провалился в сон. Серёга покашлял, бережно убрал купюры в карман куртки, расправил постель и лёг спать.

Через полчаса, с трудом передвигая затёкшие на короткой вагонной полке ноги, я вышел на своей станции. Вокзальный динамик противно прошепелявил, что следующий мой поезд приходит вовремя.

КУРИЦА РАЗДОРА

Олег Петрович нажал кнопку селектора и сказал в него:

– Андрей, зайди! – и снова повернулся к посетителям: – Где остановились?

– У моей тётки, в пригороде. Пока приютила, потом что-нибудь снимем.

– Хорошо, буду просить вам квартиру.

Олег Петрович был рад появлению сразу двух ветеринарных специалистов и уже придумал, как выхлопотать им жильё. Петра он определил к себе в службу, а его жену Ольгу приняли в лабораторию. Ребята были совсем молоды, но уже и не из-за парты.

«Одна семья – два специалиста сразу!» – с удовольствием подумал начальник.

В кабинет зашёл вызванный Андрей Варламович.

– Варламыч, у нас пополнение! Пётр Иванович и Ольга Николаевна. Проведи экскурсию, познакомь с коллективами. Ну а вы, – обратился он вновь к новичкам, – завтра заступаете.

Новички только утром прилетели в наш северный город, не успели ещё осмотреться вокруг и отдышаться от переноса своих чемоданов, которые тут же и стояли возле их стульев, и хотели иметь хотя бы один день, чтобы разместиться и привыкнуть к новому месту. Однако уверенные указания начальника не оставляли шансов попросить отсрочки от выхода на работу. «Может, так оно и лучше, – подумал Пётр. – Быстрее освоимся».

Андрей Варламович повёл новых товарищей по коридорам обоих учреждений. Заходя в каждый кабинет, представлял их сотрудникам, те представлялись в ответ, и через четверть часа лица, голоса, имена и отчества, должности и расположения кабинетов слепились в голове Петра в одно бесформенное целое, и ужас от мысли, как он завтра будет из этого комка отделять, кого и как зовут, кто и где работает, объял его. «Буду переспрашивать каждого или бегать к Варламычу», – решил Пётр.

Варламыч был их ровесником, тоже приезжим на Севере, – на пятом курсе женился на однокурснице Наталье, родом отсюда, – но уже обжился и стал совсем «местным». Редкое, яркое отчество стало его прозвищем, а то, какое его имя, добрая половина коллег и не помнила.

После ознакомительного обхода Андрей и новички разговорились на житейские темы, и оказалось, что они все четверо, включая жену Андрея, окончили один институт с разницей в один-два года. Молодые люди пытались освежить в голове, были ли они знакомы, когда учились, однако ни лиц друг друга, ни каких-либо совместных встреч вспомнить не могли.

Новички понравились Варламычу, и он, прежде согласовав со своей Натальей, пригласил их в гости.

Субботним вечером гостей ждали богатый стол из северных деликатесов и радушные хозяева. Обе пары были приятны друг другу, разговоры лились легко и непринуждённо, а встреча сулила начало большой дружбы. Вспоминали студенческие годы, преподавателей, их манеры и странности, нашли множество общих знакомых. Выяснилось, что и жили они в одном общежитии, а парни и вовсе на одном этаже, но вот друг друга во время учёбы так вспомнить и не могли – списали на то, что учились на разных курсах, а в одном потоке было почти пятьсот человек.

Андрей всегда был душой компании, легко шутил и имел нескончаемый запас смешных историй, которыми и наполнял и этот вечер. Подошло время десерта, девушки удалились в кухню за чаем и десертами, а Андрей достал из своего юмористического хранилища для Петра ещё одну байку из своей студенческой жизни.

– Я из Иркутской области, со мной ребята жили – тоже издалека. Домой после учёбы ездили только на каникулы два раза в год. Все праздники и выходные в общаге. Родители денег присылали, сами подрабатывали, но жили в целом впроголодь – ну, ты знаешь. А местные парни и девчонки бывали на выходных в родных сёлах и обратно возвращались с сумками

провианта, где-то нас подкармливали, где-то мы у них и подворовывали. Вот однажды иду по общаге, а по коридору такой дух варящейся домашней курочки разносится! Слюни бегут, в животе урчит. Мы с Ванькой Ремезовым зашли на кухню, там всегда темно было – лампочки постоянно воровали. Спичкой подсветили – так и есть, в кастрюле курица варится. По виду готова уже.

Пётр как-то пристально смотрел на Андрея и слушал его напряжённо.

– Достали мы курицу и бегом в комнату! – предвкушая яркую реакцию собеседника на свою весёлую историю и ожидая от нового коллеги ну хотя бы улыбки, юморил Андрей.

Пётр не обладал, по-видимому, ожидаемым рассказчиком чувством юмора, почему-то побагровел, придвинулся к собеседнику, впился в него взглядом и веселящую составляющую рассказа, очевидно, не улавливал.

– Я говорю: «Ваня, сейчас хозяева обнаружат пропажу и нам наваляют». А он, чтобы следы замести, раздобыл где-то старый рваный кед и засунул его в кастрюлю!

История была на пике юмора.

– Ах ты, сволочь! – Пётр прыгнул на Андрея и вцепился ему в жилетку. – Ты... это ты курицу украл! – рассказанная история всё-таки вызвала у него эмоциональную реакцию, но явно не позитивную, как ожидалось юмористом. – Это была наша курица! Мы потом хлеб с чаем ели, а вы кед туда!

Холодный пот покрыл спину Варламыча.

– Да чё ты, ладно тебе! – не находя никаких контраргументов, отпирался Андрей.

На грохот опрокинутого стула и разбившейся тарелки в зал влетели жёны.

– Вы чего? – удивлённо крикнула Ольга. – Что случилось?

– Оль, это ведь он тогда нашу курицу украл!

– Да ну бог с ней! – пыталась остудить мужа Ольга, не понимая о какой курице идёт речь. – Чего теперь-то?!

Андрей, крепко удерживаемый оскорблённым визави, не сопротивлялся. Он вдруг увидел эту кастрюлю глазами Петра и совесть больно укусила его душу.

– Ну ладно курицу украли, но бульон-то зачем портить? – не успокаивался Пётр. – Родители выращивали эту курицу, чтобы меня накормить, я привёз её в город, хотел разделить с товарищами по комнате. А эти козлы не просто украли, а ещё и нагадили!

– Петь, ну уж сколько лет прошло, чего вспоминать-то? Ты будто ничего плохого в жизни не делал и не ошибался? – успокаивала его Ольга.

Пётр разжал кулаки.

– Петь, ну извини, юные были – дурные. Ну не думали мы о том, что кому- то плохо из-за нас, – Андрей хоть как-то пытался смягчить свою вину.

– Не думали они! Кед зачем в кастрюлю совать! – Пётр уже готов был простить воровство, но не эту подлость с кедом.

Вечер был безнадёжно испорчен. Неловкость ситуации и незнание выхода из неё делали невозможным продолжение встречи. Гости засобирались домой. Пётр наспех оделся и вышел, не попрощавшись. Ольга извинилась за мужа. Наташа протянула ей коробочку с куском торта, который так и не успели попробовать.

– Возьми – чаю дома попьёте!

– Спасибо! Не переживайте! Всё образуется!

Ольга догнала мужа, и они пошли домой. Закрыв за ними дверь, Наталья ждала объяснений от Андрея.

– Да-а, неловкое получилось знакомство, – вздохнул Варламыч.

– Доюморился, – огрызнулась Наталья, – хохмач!

На следующий день мужчинам предстояло встретиться на работе – этой встречи Андрей тревожно ждал и не спал ночь. Но, к его радости, Пётр успокоился и зла не держал. Андрей,

стараясь закрепить установившееся равновесие и окончательно загладить вину, всячески уделял внимание новому коллеге и помогал ему в работе: вводил его в курс дел, заново знакомил с сотрудниками, давал им характеристики, советовал, участливо суетился по любому Петиному вопросу.

Он так увлёкся этим замаливанием своей вины, что забросил составление квартального отчёта, который не позднее завтрашнего утра нужно подписать у руководителя. Попрощавшись с коллегами, которые провели рабочий день более продуктивно и теперь заслуженно торопились по домам, Варламыч остался в кабинете один. Находясь в приподнятом настроении от того, что всё так хорошо разрешилось с новым коллегой, Андрей без каких-либо затруднений составил отчёт и приготовил назавтра на подпись. Будучи совсем уже удовлетворённым прожитым днём, он стал собираться домой. Сняв лёгкие кабинетные туфли, Андрей достал из шкафа зимний ботинок, потянулся за вторым, но никак не мог нащупать его в мебельных потёмках. Он встал на колени, запустил туда обе руки, ботинка не было, однако пальцы нащупали какую-то вещь, состоящую из ткани и резины. Вытянув находку на свет, Андрей увидел кед. Продолжать поиски второго ботинка было бессмысленно.

Войдя утром следующего дня к начальнику с отчётом, Андрей Варламович встретил в его кабинете Петра.

– Разрешите, Олег Петрович, – отчёт на подпись? – спросил позволения Андрей.

Начальник кивнул, и Варламыч, прихрамывая, подошёл к его столу.

– Чего хромаешь? – спросил Олег Петрович.

– Да-а обувь вчера новую надел, не села ещё по ноге, – объяснил Андрей.

Пётр не сдержал улыбки.

«Подружились ребята», – отметил про себя начальник и остался от этой мысли доволен.

– Хоть бы по размеру кед подложил, гад! – упрекнул Андрей своего мстителя, когда они вышли из кабинета начальника. – На два размера меньше! Еле дошёл вчера!

– Что-то вы не спрашивали меня про размер, когда кед в бульон совали! – парировал кедно-куриный Зорро.

– Ну ладно уже тебе! Отомстил. Где ботинок?

– В шкафу.

Вернувшись в кабинет, Андрей проверил – ботинок стоял там, где он не нашёл его вчера.

Собираясь после рабочего дня домой, Андрей спросил Петра:

– Одного понять не могу, почему вы так долго не обнаруживали пропажу курицы. Ведь мы съели её, успели следы замести: кости в форточку побросали, проветрили комнату от запахов, разложили учебники, уже выучили всё назавтра.

– На кухне темно. Ванька пойдёт, вилкой потычет в кастрюлю – жёсткая курица. Так мы его два часа и варили, пока зажигалкой не посветили.

– Уварился? – Варламыч хрюкнул, едва сдерживая новый приступ юмора, дружески получил по шапке и пошагал за другом домой.

В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ

Работал со мной чудной практикант. Он был старше меня по возрасту, но к тому времени, как попал под мой патронаж, окончил только третий курс. Прежде он успел отслужить в армии, жениться, родить сына, состояться в роли отца семейства и кормильца и только после этого поступил на ветеринарный факультет.

Но чудаковатость его выражалась не в этом. Он был в крайней степени увлечённым человеком, увлечённым горячо, страстно, одержимо. Предметом его страсти и увлечения становилось всё, что попадало в фокус его внимания и имело, по его часто не всегда объективному мнению, значение для Вселенной!

Накануне нашей очередной северной экспедиции в этот «фокус» залетела религия. Олег, так звали моего практиканта, заразился православием. Какое явление или встреча сделали из этого непримиримого атеиста столь же воинствующего крестоносца, никто не знает. Однако за два дня пути поездом в командировку в его руках появилось Святое Писание, в душе – непоколебимая вера, а в голосе – неутомимая жажда проповедовать.

Прибыв сначала в райцентр, Олег стал выяснять обстановку с развитием православия на этой территории и, к своему ужасу, узнал, что в районе нет ни одного храма, дети, по его выражению, «бегают некрещёными», а основное население – ненцы-язычники. Увидев в возвращении заблудших овец к Пастырю своё жизненное предначертание, разбуженный отнюдь не декабристами, Олег развернул широкую проповедную агитацию. Невообразимым образом он уговорил высокопоставленного районного чиновника заказать вертолёт и привезти из соседнего района священнослужителя для проведения обряда крещения всех желающих. А таковых стараниями нового проповедника образовалось сразу несколько десятков. Были ещё непостижимо как организованные беседы, встречи с небольшими рабочими коллективами, с молодыми мамашами, выгуливающими своих маленьких отпрысков на детской площадке. Пару раз местные даже побили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.